

УДК 94(497.16)

ЧЕРНОГОРСКИЙ МИТРОПОЛИТ ДАНИЛО ПЕТРОВИЧ НЕГОШ (1697-1735)

© 2015 Ю.П. Аншаков

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

Поступила в редакцию 20.10.2015

В статье анализируется государственная и религиозная деятельность черногорского митрополита Данилы Петровича Негоша. Значительное внимание уделяется рассмотрению вопросов, связанных с освободительной борьбой черногорцев против Османской империи, а также анализируется комплекс проблем, связанных с черногорско-венецианскими и русско-черногорскими отношениями. *Ключевые слова:* Черногория, освободительная борьба, Цетинская митрополия, митрополит Данило, Россия, Петр I, Михаил Милорадович, Венеция, Австрия, Османская империя, Герцеговина, Северная Албания.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-11-63009, Региональный конкурс «Волжские земли в истории и культуре России».

В начале XVIII века Черногория была маленькой страной, расположенной на юго-западе Балканского полуострова. Она граничила с Северной Албанией и Герцеговиной, находившимися под турецкой властью, и с Венецией. Ранее входившие в состав Зеты (область средневекового сербского государства, которой принадлежала основная часть территории Черногории) равнины в районе городов Подгорица, Никшич, Спуж и др. были отторгнуты турками в ходе завоевания Балкан. Первоначально Черногория состояла из пяти нахий (областей): Катунской, Риечской, Црмницкой, Лешанской и Пешевачской, которая позднее, в 1790-е гг., объединилась с Катунской. Это была так называемая Старая Черногория.

В XVIII в. Черногория была наиболее отсталой среди стран Балканского полуострова. Зажатая в горах на небольшой территории, она не имела в достаточной степени ни людских, ни материальных ресурсов для сколько-нибудь эффективного экономического развития. В Черногории не было городов, ее административным и религиозным центром было Цетинье, являвшееся небольшим поселением, состоящим из монастыря и небольшого количества строений. Основная часть населения жила в маленьких селах, расположенных в речных долинах или на склонах гор. Точных данных о численности населения Черногории рассматриваемого периода нет. К середине XVIII века в стране приблизительно проживало 30-35 тысяч жителей¹.

В каждой нахии было несколько племен. Черногорское племя было определенным аналогом сербской кнежины и являлось административно-территориальной единицей. Оно отличалось от классического родового племени связью на основе *Аншаков Юрий Петрович, доктор исторических наук, профессор, директор. E-mail: pfiri@ssc.smr.ru*

общей территории, а не кровного родства, отсутствием коллективного труда всех членов племени, наличием социального и имущественного расслоения. Нахии и племена возглавлялись старейшинами (сердары, воеводы, кнезы). Во главе нахий находились сердары, а племен – воеводы и кнезы (сельские старосты). Черногория в XVI-XVII вв. находилась под верховной властью Порты и входила в Шкодринский (Скадарский) санджак Северной Албании, но пользовалась самой широкой автономией и сумела сохранить себя как политическое целое, хотя и на урезанной территории.

В XVIII веке антитурецкая борьба черногорцев вступает в новую фазу. Теперь она велась за полное освобождение из-под власти Порты и создание независимого самостоятельного государства. Собственно говоря, единственный признак вассальной зависимости Черногории от Османской империи в XVIII в. – это крайне нерегулярная оплата харача (хараджа)². Он собирался, за редким исключением, при помощи карательных экспедиций, чаще неудачных, и его следует рассматривать как вынужденный откуп, нежели чем дань. В начале XVIII в. стремление Черногории к независимости не было еще оформлено в виде какой-либо конкретной политической программы, а выражалось в отказе от уплаты Порте харача. В кровопролитной и длительной антитурецкой борьбе руководящая роль принадлежала цетинским митрополитам и, в частности, Даниле Шчепчевичу (ок. 1670-1735), первому представителю рода Петровичей Негошей на митрополичьем престоле. Это был решительный, храбрый, дальновидный и мудрый религиозный и политический деятель Черногории, много сделавший для решения внутренних и внешних проблем, стоявших перед Черногорией в это непростое время.

Цетинская митрополия как церковная организация хотя и обладала большой долей самостоятельности, все же формально не являлась автокефальной, а была частью Сербской православной церкви и входила в состав Печской патриархии. Однако сербские патриархи могли лишь рукоположить в сан митрополита, кандидатура которого обсуждалась и утверждалась на Общечерногорском зборе (народном собрании, первое упоминание о котором относится к началу XVI в.), а позднее скупшине. В 1696 г. после кратковременного правления умирает митрополит Саватий Калуджерович (1694-1696), и через год после его смерти на Общечерногорском зборе, на котором присутствовали в основном старейшины («главари»), владыкой был избран цетинский иеромонах Данило, носивший до пострижения имя Никола (Ника), родом из влиятельного в Черногории племени Негушей. По отцу он был Шчепчевич, по деду Петрович. В его семье имена Шчепац и Петар (Петр) постоянно чередовались, а все это семейство носило прозвище Петровичей по их предку Петру. Данила стал основателем правящей в Черногории более двух веков династии Петровичей Негошей (1697-1918), давшей Черногории пятерых митрополитов и двух князей.

Поскольку печским патриархом тогда был удобный для турок грек Калиник (1691-1710)⁵, желавший поставить во главе Цетинской митрополии своего соплеменника, то Данило для посвящения в высший духовный сан направился в венгерский город Сечуй, где после Великого переселения сербов в австрийские владения в 1690 г. нашел прибежище патриарх Арсений III Черноевич, родом черногорец. Там на соборе сербских митрополитов и епископов Данило в 1700 г. был завладечен и получил под свою церковную юрисдикцию «Богом спасаемую епархию Скендерийскую», включавшую Черногорию и примыкавшую к ней горную область Брду, также относившуюся к Шкодринскому санджаку, с родственными племенами кучи, васоевичи, братоножичи, пипери и белопавличи. Религиозная власть Данилы распространялась на адриатические приморские общины области Боки Которской (венецианская Албания) – Паштровичи, Кртоле, Луштица, а также находившиеся под турецкой властью в тогдашней Северной Албании приморские города Бар, Улцинь, приморскую общину Грбаль, города Шкодра (Скадар), Подгорица, Жабляк и местность Нижняя Зета⁴, сохранившую в названии отголосок всей средневековой черногорской территории. Таким образом, Данило стал митрополитом цетинским, Скендерийским и Приморским.

Взаимоотношения с соседями из близлежащих османских владений при Даниле практически сразу стали враждебными. Черногорские гайдуцкие четы (отряды) совершали грабительские набеги в Герцеговину и Северную Албанию, угоняли скот у мусульманских землевладельцев.

Зачастую это было обусловлено тяжелейшим экономическим положением Черногории, малое количество плодородных земель в которой нередко приводило к голоду, хотя присущие черногорскому обществу анархия и безначалие также являлись причиной этих набегов. В свою очередь правители Северной Албании неоднократно направляли военные экспедиции против черногорцев с целью их покарать и заставить платить харач. Особой воинственностью отличались жители самой большой, но и самой бедной Катунской нахии. Их четование вызывало частые жалобы Порте со стороны не только турок, но и венецианцев, и жителей Дубровницкой (Рагузской) республики, платившей дань Османской империи. Поэтому в Стамбуле было принято решение расселить катунцев по другим османским владениям. Сознывая, что они не в силах противостоять направленным в 1706 г. против них войскам герцеговинского и шкодринского пашей, катунцы избежали расселения, но пошли на то, чтобы дать заложников и согласились не наносить вреда ни туркам, ни их данникам⁵. Однако когда, по народному преданию, турки в том же 1706 г. предприняли очередной карательный поход против черногорцев, то они были разбиты и было пленено много знатных бегов. В насмешку черногорцы выменяли их на свиней, взяв в качестве выкупа за каждого бега по борову⁶.

Надо сказать, что отношение венецианцев к черногорцам в то время было двойственным. Разумеется, грабежи их торговых караванов черногорцами озлобляли их, но в начале XVIII в. турецко-венецианские отношения стали резко ухудшаться. Поэтому для прощупывания настроений черногорцев в 1707 г. в венецианском Херцег-Нови состоялась встреча черногорских старейшин во главе с Данилой и генеральным провидуром (гражданским губернатором) Далмации и венецианской Албании Джустином Ривой, который в результате беседы с владыкой и старейшинами пришел к выводу, что черногорцы склонны к Венеции. Благожелательность черногорцев объясняется еще и тем, что в результате этой встречи некоторые наиболее влиятельные старейшины получили от венецианцев денежное содержание⁷. Хотя тогда же Рива сообщал сенату, что сам владыка Данило является «большим недругом Венецианской республики»⁸.

В своем противостоянии с черногорцами османские власти искали и находили опору среди черногорцев, принявших ислам, называемых в народе потурченцами. Следует заметить, что именно православная религия в Черногории на протяжении столетий способствовала поддержанию и развитию национального самосознания, что было чрезвычайно важно в условиях антитурецкой борьбы. Монастыри в Черногории были очагами культуры. В них хранились рукописи, поддерживалась славянская письменность.

Попытки распространить в среде черногорцев католицизм и ислам встречали решительный отпор. Однако на рубеже XVII-XVIII вв. османская политика исламизации покоренных народов, принесшая успех в соседних Боснии и Албании, стала приносить плоды и в Черногории. Выбор чаще всего был прост: «пей шербет из чаши Магомета, иль по шее топором получишь», – писал об этих временах в поэме «Горный венец» митрополит Петр II Петрович Негош (1830-1851 гг.), бывший к тому же великим черногорским поэтом. И в Черногории появились семьи и братства, вкусившие «сласти ложной веры». Так, например, в Катунской нахии в Цекличах обосновались мусульманские братства Синановичей, Джаковичей, Рамадановичей и Мухадиновичей⁹. Некоторые из них стали, другие могли стать проводниками турецкого влияния в стране. Риск был слишком велик. Кроме религиозных и политических мотивов, заставлявших черногорцев неприязненно и враждебно относиться к потурченцам, существовали и сугубо экономические причины недовольства ими. Это связано с тем, что в конце XVII в. шкодринский наместник Сулейман-паша Бушати, захватив перед этим Цетинье в 1692 г., передал в руки потурченцев Риэку Црноевичей, важнейший торговый базар не только для Черногории, но и для соседних османских владений¹⁰. Поэтому, несмотря на то, что некоторые черногорцы-мусульмане, когда речь шла об общих интересах, сражались бок о бок с православными собратьями против турок, владыка Данило принял, хотя и не сразу, решение покончить с потурченцами. Повод для этого появился, когда Данило по приглашению местных православных жителей и с разрешения шкодринского паши направился в расположенное в Нижней Зете и относящееся к его церковной юрисдикции село Сербское для освящения там церкви. Однако схваченный турками Данило был отведен в оковах в Подгорицу. По дороге в руках владыка нес кол, на который, как устрашали Данилу турки, его посадят «как гяурского попа» за то, что он «подбивает райю бунтовать против султана». Помещенный в Подгорице в темницу, он подвергся изощренным пыткам, едва избежал смерти, и только за большой денежный выкуп в 3000 дукатов Данило был освобожден¹¹. Религиозный и политический противник митрополита Данилы задарский католический епископ Винцентий (Вицко) Змаевич (1670-1745), родной брат вице-адмирала русского флота Матвея (Матия) Христофоровича Змаевича (1680-1735), писал впоследствии о Даниле как о «неумолимом враге турок», носившем на плече кол, «выделявшийся как страшный инструмент его смерти»¹².

Это горестное и трагическое событие в жизни Данилы усилило его враждебное отношение как к туркам, так и к собственным потурченцам. Данило принял окончательное и радикальное решение «в божьем стаде истребить заразу». По

возвращении из Подгорицы Данило дважды, в монастыре Станевичи и на Ловчене, собирав наиболее известных и влиятельных старейшин и, уговаривая их, произнес зажигательную речь. «Вы видите, что делают в Черногории проклятые потурченцы, и подумайте, что они еще могут впредь сделать. Они злые и ядовитые змеи... Очистим Черногорию от турецкого духа», – призывал владыка¹³. И этот страстный призыв воспламенил черногорцев. Согласно письменному свидетельству самого Данилы¹⁴ и народному преданию, в 1707 г. большинство потурченцев было физически уничтожено, другие вновь перешли в православие, некоторым удалось спастись бегством и найти прибежище в близлежащих городах турецких владений. Избиение началось на Цетинье и в Цекличах, а затем перекинулось на другие края Старой Черногории, захватив Црмницкую, Риечскую и Лешанскую нахии¹⁵. По народному преданию, в дальнейшем воспетому в поэме Негоша «Горный венец», это событие произошло в Рождественский сочельник, в Баднюю ночь (Баднье вече – бадняк, дубовые ветки, которые православные черногорцы и сербы по религиозному обряду сжигают в сочельник) и было единовременным актом, наподобие Варфоломеевской ночи. На самом деле это не более как легенда. Физическое истребление потурченцев продолжалось приблизительно до 1712 г. Однако и в середине XVIII в. в Черногории сохранялись земельные наделы мусульман, на которых они не проживали, но сдавали их в аренду черногорцам. Среди арендаторов был даже митрополит Сава (1735-1781)¹⁶, хотя, конечно, они уже не играли какой-либо роли ни в религиозной, ни в политической жизни Черногории.

Внутренняя жизнь Черногории в XVIII в. представляла собой почти непрерывную цепь междоусобиц: «Племена катун бились с племенами Реки и Цермницы, пиперы воевали с белопавлічами, а белопавлічи в то же время с катунянами; морачане с ровчанами, которые опять же бились с белопавлічами и пиперами; баицы попеременно бились то с дольнекрайцами, то с негушами и цекличами; люботиняне с цеклинянами, цеклиняне с добрлянами», – писал об этих временах и нравах выдающийся русский славист и исследователь Черногории П.А. Ровинский¹⁷. Кровавая месть унесла в Черногории, возможно, больше людей, чем их пало в борьбе с турками, полагал югославский историк Р. Драгичевич¹⁸. Постепенно становилось очевидным, что для успешного сопротивления османскому натиску необходимо единение всех внутренних сил страны. Только оно могло укротить межплеменную вражду, ускорить создание более совершенного экономического базиса для развития государства.

Церковь в лице Цетинской митрополии, часть старейшин отдавали себе отчет в том, что успешная освободительная борьба не отделима

от внутренних реформ. Владыка Данило называл «трех идолов», подрывающих устои черногорского народа: «Один идол – прелюбодеяние, другой идол – сребролюбие, третий идол – грабежи и кровопролитие, и пока не отсечем ветви, откуда произрастают эти идолы, не может быть мира и любви между народом»¹⁹. Преодоление негативных черт жизни черногорского общества, в том числе родоплеменных пережитков и сепаратизма, создание основ централизованного государства было процессом длительным и сложным у всех народов. Успех его зависел от внутренних условий, в которых приходилось действовать господствующим общественным силам. В Черногории формирование централизованного государства практически завершилось лишь во второй половине XIX в., и этот процесс имел свои особенности. Его спецификой являлось учреждение в первую очередь общечерногорских судебных органов.

Идя по этому пути, митрополит Данило в 1713 г. создал общечерногорский суд из 12 старейшин во главе с В. Вукашиновичем, известный в югославской историографии как «Суд владыки Данилы». Этот общегосударственный орган власти проделал полезную работу, направленную на объединение черногорских племен и пресечение межплеменной розни. На состоявшемся в 1723 г. Общечерногорском зборе было принято решение, дающее право членам суда производить конфискацию имущества преступников, приняты иные суровые меры наказания²⁰.

Государственная деятельность Данилы неотделима от его многогранной внешнеполитической деятельности. Об этом свидетельствуют важные изменения, произошедшие в первые десятилетия XVIII в. во внешней политике Черногории. Хотя венецианское влияние в стране оставалось значительным, но постепенно среди черногорцев нарастало недовольство и разочарование политикой Венеции, поскольку неоднократно воюя в XVII в. на стороне республики с турками, неся при этом значительные людские и материальные потери, черногорцы не получали от Венеции помощи для решения своих задач освободительной борьбы. Одновременно с этим усиливались среди черногорцев надежды на Россию, которая, вступая в войны с Османской империей, стала проявлять заинтересованность в расширении своего влияния на балканские народы, в том числе и на черногорцев. Следует заметить, что эта идея принадлежала соратнику Петра I, выдающемуся дипломату Савве Лукичу Владиславичу-Рагузинскому, герцеговинскому сербу из Гацко на русской службе, который предлагал активно использовать силы и возможности югославян в антитурецкой борьбе²¹.

В ноябре 1710 г. Османская империя объявила войну России, и по турецкой традиции русский посол в Константинополе П.А. Толстой был заключен в тюрьму Едикуле, известную по

русской литературе как Семибашенный замок. Ведя войну со Швецией, Петр I был абсолютно не заинтересован в войне с Турцией. Однако его неоднократные попытки сохранить мир были отвергнуты султаном Ахмедом III. Поэтому 22 февраля 1711 г. в Успенском соборе Кремля в присутствии царя и гвардии был обнародован манифест о начале войны с Османской империей и отпоре «хищному волку турку».

Начиная в 1711 г. Прутский поход, Петр I рассчитывал на антиосманское выступление балканских народов, поэтому он обратился к балканским христианам с призывом оказывать помощь русским войскам. Черногория, вдаваясь клином в соседние османские владения, могла стать исходной точкой опоры для оттеснения турок с Балканского полуострова, она также создавала препятствия для их продвижения к адриатическому побережью, где Черногории пока еще фактически принадлежала малая полоска земли (Грбаль, Маине, Побори, Браичи), населенная издавна черногорцами. Таким образом, выгодное военно-стратегическое положение Черногории, воинственность ее анти-турецки настроенного населения делала Черногорию ценным союзником России.

С грамотой Петра I от 3 (14) марта 1711 г., составленной при самом деятельном участии Саввы Рагузинского, содержащей призыв вспомнить православных о былой славе балканских христиан, и объединив свои силы с русским войском, прогнать турок «в старое их отечество, в пески и степи аравийские»²² (хотя на самом деле тюркские племена вышли из иных степей, а именно алтайских), в марте 1711 г. в Черногорию были направлены ставший полковником Михаил Милорадович и капитан Иван Лукачевич. Оба российских эмиссара были профессиональными военными и хорошо ориентировались в местной обстановке, поскольку Милорадович был герцеговинским сербом, а Лукачевич – уроженцем Подгорицы. Находившемуся тогда в Бухаресте Милорадовичу грамоту доставил Иван Албанез, бывший монах Моисей Митанович, прибывший в Россию в феврале 1711 г. и сразу ставший здесь капитаном. Впрочем, это неудивительно, поскольку балканские священники, и особенно черногорские, принимали самое активное участие в боевых действиях. Одновременно с грамотой И. Албанез доставил Милорадовичу и письмо Саввы Рагузинского от 4 (15) марта 1711 г., где ему предписывалось отправиться «к климентам, кучам, пиперам, черногорцам и к иным, дабы собрав, воевали на турков». Милорадовичу выделялось 500 золотых червонных и в случае успеха обещался генеральский чин и «превеликая милость» от монарха²³. На Балканы они отправились втроем, только М. Милорадович и И. Лукачевич направились непосредственно в Черногорию, а «отец Мосей», т.е. Иван Албанез, оказался в Герцеговине, где с июня 1711 г. командовал повстанцами.

Воюя в Герцеговине, И. Албанез содержал «на своем иждивении» 800 участников восстания²⁴.

Первоначально Милорадович и Лукачевич прибыли в Грбаль и сразу подняли грблян на борьбу против турок, которые «добровольно царскому величеству преклонились»²⁵. Затем царские посланцы отбыли непосредственно в Черногорию, где грамота Петра I была зачитана в доме митрополита Данилы и одновременно состоялось совещание 24 влиятельнейших черногорских старейшин. Было принято единодушное решение: «С первой вестью о русском наступлении выступить против войск Османской империи»²⁶. Кроме того, специально отобранные люди доставили переписанную грамоту Петра I (которую они называли «царевым письмом») в самые отдаленные уголки Черногории, Брды и Герцеговины, а также во все монастыри. Аналогичным образом поступил и И. Албанез, разославший 12 писем в Македонию, Албанию, Черногорию и Приморье. Они содержали грамоты Петра I черногорскому народу от 3 (14) марта и христианским народам, подвластным Турции, от 23 марта (3 апреля) 1711 г.²⁷ Денег с собой М. Милорадович привез крайне мало. Ему и находившемуся тогда в Черногории его брату Гавриилу пришлось взять займы 2250 золотых червонных на изготовление знамен с русским гербом, покупку боеприпасов и подарки кнезам, воеводам и воинам²⁸. Надо сказать, что российское руководство через своего политического агента в Венеции Маттео (Матвея) Каретту выделило «на дачу монтенегринцам» 3 тыс. червонных, из которых 500 предназначалось лично Милорадовичу. Однако в силу различных обстоятельств эти деньги так и не дошли до черногорцев²⁹.

Черногорцы сдержали свое обещание. В июне 1711 г. они начали боевые действия против турок. Назначенный главнокомандующим М. Милорадович и митрополит Данило возглавили войско, насчитывающее, по уверениям Милорадовича, в общей сложности 29800 бойцов³⁰. Милорадович все же преувеличивал реальные силы повстанцев, включая сюда и тех добровольцев, которые могли, но так и не приняли участия в боевых действиях. Непосредственно черногорцев под командованием Данилы и Милорадовича, как следует из письма русского торгового консула в Венеции Д.Ф. Боциса Петру I в августе 1711 г., «негромонтанов до сего времени собралось с лишком 10 тысяч»³¹. К черногорцам примкнули герцеговинцы и брдяне. Вначале боевые действия югославянских союзников России проходили успешно. 15 июня турецкие войска были разбиты у Гацко (Герцеговина). Посылая 15 июля 1711 г. письмо жителям небольшого села в Герцеговине Требесы и призывая их напасть на крепость Огношт (Никшич), Данила писал: «если вы имеете любовь ко Христу, то ради его крови, которую излил он для нашего спасения на кресте, ради любви Пресвятой Богородицы, ради наконец того, чтобы она была вам

помощницей и молитвенницей в день страшного суда, восстаньте и пролейте кровь свою! Не щадите ее, ударьте на крепость! Уклоняться нельзя!». В тот же самый день Данила отправил свое второе послание требешанам, в котором писал: «Если бы до воскресенья крепость была бы в ваших руках!.. Если бы мы продали свои золотые и серебряные вещи, если бы мы собрали войско и сразились с арнаутами (албанцами. – Ю.А.), и свою кровь пролили ради бедного, жалкого, голодного народа... готового предать себя на смерть ради Христа». Милорадович приписал на этом письме: «Много есть воскресений в году, но сделайте, чтобы до первого воскресенья крепость и турки были в ваших руках... Я послал вам сегодня тысячу юнаков, чтобы сразились с арнаутами. Возьмите крепость у турок и передайте нам... Здесь войско готово все... Ударьте и схватите капитана Кумрию... Не доверяйте никому, чтобы вас не провели, потому что латины (венетианцы. – Ю.А.) писали этому Кумрию обо всех моих действиях... Пришли к нам кнезы Белопавличей и Пиперов и мы уговорились... непременно в воскресенье ударить на Спуж... писал я письмо в Грахово и к Ражнянам и они готовы»³². В свою очередь вскоре по приезде в Черногорию Милорадович отчитываясь о своих действиях, доносил канцлеру Г.И. Головкину: «Христиане, прочтя грамоты, сильно обрадовались и начали все единодушно за веру и отечество кровь проливать; и те, которые получали жалованье от венециан и турок, бросили это жалование, соединились со своими и стали воевать, как при древних сербских царях и королях. Все это воины добрые, только убогие, пушек и прочих военных припасов не имеют. Латины гораздо враждебнее турок, ибо латины надеялись, что земля будет вся их, и когда он (Милорадович. – Ю.А.) пошел на турок, то латины посылали им письма, обнадеживая их, чтобы не боялись, и уговаривали турок, чтобы обещали денег за его голову, но христиане все обещались государю служить»³³.

В письме Д.Ф. Боцису М. Милорадович сообщал, что в ходе боев «многие деревни сожгли, многие дистрикты пустыми учинили, много турецких голов назад принесли, многих склавами (пленными. – Ю.А.) учинили»³⁴. Однако отсутствие артиллерии, достаточного количества боеприпасов не дало возможности овладеть такими опорными и хорошо укрепленными пунктами, как Никшич, Спуж, Требинье, Грахово, Подгорица, занятие которой также входило в планы повстанцев. Именно боевые действия в этих районах сковали военные силы турок и не позволили им направить дополнительные войска из Боснии и Герцеговины на прутский театр военных действий³⁵, где складывалась катастрофическая ситуация для русских войск. Сказывалось и то, что те же черногорцы, впрочем, как и брдяне, прекрасно воюя в горных условиях, не имели достаточного опыта осады городов и

крепостей. Нехватка вооружения была вызвана и тем, что Венеция, опасаясь усиления влияния России на Балканах, не только не поддержала антитурецкие выступления югославянских народов, но и установила блокаду далматинского побережья. Так как венецианцы контролировали весь вывоз и ввоз оружия и боеприпасов (порох, свинец, кремни), то они сделали все, чтобы это не проникло в Черногорию. Аналогичным образом поступила и Дубровницкая республика. Когда в августе 1711 г. черногорские повстанцы обратились к Дубровнику с просьбой о помощи оружием, то сенат отказал им, и при этом он заверил турок о своей непричастности к повстанцам³⁶.

Надо сказать, что венецианские власти сразу же по приезде Милорадовича в Черногорию заняли отрицательную позицию относительно готовности югославян встать на сторону России и участвовать в антитурецкой борьбе. Генеральный провидур Далмации и венецианской Албании К. Пизани замечал по этому поводу: «Для венецианской республики гораздо лучше граничить с мусульманской, чем с московской религией»³⁷. Католическая церковь видела в этом опасность для своих интересов. Одним из наиболее активных противников русско-черногорского сближения был уже упоминавшийся барский архиепископ В. Змаевич. Возможно, он был искренен, когда, установив связи с русским двором и получая инструкции от канцлера Г.И. Головкина и Саввы Рагузинского, в ноябре 1708 г. писал П.А. Толстому из Пераста, что «вся Вселенная рукоплещет триумфам российского оружия», а царство Петра Великого превзошло «силой и великодушием века Константина и Феодосия»³⁸. Однако злейший враг православия и митрополита Данилы, когда в Боке Которской православное исповедание было временно поставлено вне закона, Змаевич в 1709 г. был едва не убит в Которе православными верующими, видевшими именно в нем инициатора принятия этого закона³⁹. Как только присланные из России эмиссары обосновались в Черногории и началась вооруженная борьба против турок, В. Змаевич посчитал, что победа православных над турками была бы потерей для католичества⁴⁰. И хотя С.К. Богоявленский упоминает о материальной поддержке Змаевичем повстанцев⁴¹, а Савва Рагузинский, благодарный Змаевичу за освобождение его матери и семьи его брата из пиратского плена, писал о нем в январе 1713 г. Ф.М. Апраксину как о человеке, который царю «показал службу великую и впредь показать может»⁴², на деле все обстояло иначе. В лучшем случае Змаевич вел двойную игру, нанося явный ущерб российским и черногорским интересам в этом регионе Балкан. Он обратился в Рим к папе Клименту XI, объявляя митрополита Данилу главным виновником начавшихся боевых действий югославян в союзе с посланцами русского царя⁴³. Под влиянием Змаевича католическое племя Се-

верной Албании Клименти, находившееся тогда во вражде с турками и своими мусульманами, отказалось от союза с черногорскими повстанцами, хотя они уже взяли под это 500 золотых дукатов у Милорадовича⁴⁴. И в дальнейшем В. Змаевич выступал как ярый враг православия⁴⁵.

Оценивая действия югославянских союзников России, следует признать их в целом весьма успешными. Укрывшиеся в городах и небольших крепостях турецкие военные силы были изолированы и разобщены. Однако эти военные успехи не получили дальнейшего развития из-за неудачного для России Прутского похода и заключения мира с турками 12 (23) июля 1711 г., ликвидировавшего результаты Азовских походов и Константинопольского договора 1700 года. Черногорцы под влиянием Данилы и Милорадовича долго не хотели верить доходившим известиям о Прутском договоре, тем более что поступали они от венецианцев, которым черногорцы не доверяли, и продолжали воевать с турками. Хотя, конечно, были и другие черногорцы, довольно быстро узнавшие истину о злополучном Прутском походе, что нашло отражение и в народной песне: «Если бы видел побратим, как войско умножилось! Как спешат брдыане-юнаки, герцеговинцы и молодые зетяне под знамена царя русского, чтобы соединиться с войском черногорским; не сказал бы ты, дорогой побратим, что они идут на бой с турками биться, но на пир холодное вино пить и веселье песни распевать! Но веселие это продолжалось недолго – *всего месяц с половиной дней* и вскоре превратилось в сербскую скорбь и несчастье. Ибо недобрые вести дошли, что Петр с турками примирился не по воле, а по злой неволе, что турки его окружили близко Прута, холодной реки, так что помощь не могла к нему прийти, ни другое, что войску нужно. Когда эти вести услышали и владыка и все черногорцы, – заплакал и мал и велик, всяк жалел царя православного»⁴⁶.

Однако сложившаяся ситуация все же требовала прояснения. Поэтому в Россию в сопровождении двух черногорцев отправился брат М. Милорадовича Гавриил Милорадович. Их петербургский вояж пришелся как нельзя кстати, поскольку в декабре 1711 г. Порта вновь объявила войну России. Цель поездки заключалась в информировании русских властей и прежде всего самого Петра I о развитии событий в Черногории и Герцеговине, а также заручиться материальной поддержкой со стороны русского двора для открытия широких боевых действий на Балканах⁴⁷. Тем временем в самой Черногории объявился некто Павел Арколео (Аркулей), грек, служивший боцманом русского флота. Этот иностранец-авантюрист, проявивший себя, по словам Саввы Рагузинского, как «вор и плут», побывавший вначале у австрийских сербов, а затем, выполняя возложенное на него курьерское поручение с бумагами для русских политических агентов, прибыл в

Венецию. Здесь он обманным путем завладел принадлежавшими Савве Рагузинскому русским орденом и хрустальными пуговицами и уже в июне 1712 г.⁴⁸ объявился в Черногории. Явившись к Милорадовичу и выдав себя за «государственного тайного секретаря», Арколео возложил на Милорадовича орден, принадлежавший Рагузинскому. Он также потребовал составления поименного списка черногорцев, принимавших участие в борьбе с турками, за что они получают царское жалованье, а пока надо продолжать воевать с турками, так как царь не намерен держаться мирного договора и снова начнет с ними войну. Арколео вел речь о Прутском мирном договоре, вероятно, не зная из-за своих странствий, что Россия уже опять находится в состоянии войны с Турцией. Милорадович не разглядел в «государственном тайном секретаре» боцмана и поверил прожженному авантюристу. А вместе с ним поверили и черногорцы, которые, по словам Рагузинского, «приняли его как ангела» и воздали ему воинские почести как генералу. Однако все это было лишь прелюдией к основной афере Арколео. Он объявил, что, выполняя царские поручения, сильно поиздержался и поэтому просит займы тысячу (по иным источникам 1100) золотых червонных под заклад имеющихся у него «царских алмазных пуговиц» ценою в 1100 червонных. Черногорцы с большим трудом собрали требуемую сумму, продав церковные сосуды, и вручили ее Арколео⁴⁹. Черногорцы, живя в крайней нужде, и тогда, и в дальнейшем знали цену деньгам. Они довольно быстро осознали, что совершили глупость, доверившись Арколео. Черногорцы жаловались на него, и Д.Ф. Боцису было велено «за его плутни» задержать Арколео в Фиуме (Риеке)⁵⁰.

Тем временем возглавляемые Данилой и Милорадовичем черногорцы уже с марта 1712 г. начали вновь боевые действия против турок. Испытав неудачу в осаде городов и крепостей, черногорцы вновь возобновили практику четования на турецкой территории, и между ними ширилась весть, что в скором времени из Москвы приедет специальный посланец и привезет деньги⁵¹. Между тем в начале апреля 1712 г. между Россией и Турцией был заключен мир, а 26 июня (7 июля) того же года Савва Рагузинский письменно проинформировал Г.И. Головкина, что «полковник Михайло Милорадович, посланный прошлого году, в Албанию с монтегринами и прочим тамошним народам, и ныне воюет против турков з государевыми знаменами»⁵². Он также рекомендовал канцлеру отправить Милорадовичу письмо, чтобы тот «под именем государевым против турок не воевал, ибо ис того может произойти при дворе турецком немалая противность»⁵³.

Надо сказать, что тогда черногорцы при русском дворе рассматривались как подданные Османской империи. Так, в письме Г.И. Головкина от 4 (15) марта 1712 г. в Венецию к М. Каретте прямо

указывалось, что полковник Милорадович был послан к «народам христианским, к албанцам, монтегринам, которые живут под владением салтана турецкого»⁵⁴. В 1835 г. черногорский народный секретарь и историк Симеон (Сима) Милутинович Сарайли опубликовал извлеченный им из Цетинского архива любопытный документ, а именно договорную грамоту за подписью М. Милорадовича, обнародованную на состоявшемся в Цетинье 16 (27) апреля 1712 г. Общечерногорском зборе⁵⁵. Согласно этому документу черногорцы за верную службу объявлялись свободными, своевластными, не подчиняющимся никому, кроме русского царя (да немаю над собою господаря, томо цара), тем самым черногорцы признавали русское подданство. Грамота освобождала черногорцев от всех налогов и повинностей, включая, разумеется, выплату туркам харача. В случае войны России с кем-либо черногорцы обязаны были с оружием в руках «за царя воевать», получая при этом от России боеприпасы и оружие. В случае же мира ни царь, ни черногорцы не должны были претендовать на что-либо в отношении друг друга (да не ища нища у цара, ни цар от них да не ища нища). К составлению текста грамоты, несомненно, приложил руку и митрополит Данило, наиболее вероятный инициатор ее написания, а может быть, и ее составитель. Об этом свидетельствуют и особо оговоренные права Цетинской митрополии на недвижимое имущество церкви (поля, луга, виноградники, места рыбной ловли), куда «мирские люди» без благословения архиерея не допускались. Вообще все церковные дела, согласно тексту грамоты, подлежали ведению митрополита. Разумеется, эта грамота, данная без согласования с российским руководством, не имела и не могла иметь какой-либо международно-правовой юридической силы, а являлась лишь своеобразной формой моральной поддержки черногорцев со стороны представителя России.

Порта не могла простить черногорцам всего произошедшего. Султан Ахмед III издал фирман, преписьвающий жестоко наказать и покорить черногорцев, а митрополита Данилу и Милорадовича пленить. Боснийский визирь Ахмед-паша Шапчалия, еще недавно воевавший с русскими на Пруте, возглавил собранное из близлежащих краев Османской империи 20-тысячное войско. Никогда ранее турки не собирали такое количество войск против Черногории. Черногорцы, к которым пришли на помощь бокельцы из Приморья, сумели собрать всего около 5 тысяч воинов. Около 2 тысяч черногорцев, как писал Милорадович, под русскими знаменами из-за засад и каждого камня храбро и упорно бились против 7-тысячного авангарда турецких войск под командованием Тахира-паши⁵⁶. Отступая, черногорцы наносили урон врагу. Наиболее крупные потери понесли турки (около 2 тысяч человек) в сражении при Царевом Лазе, состоявшемся в июле. Эта победа

черногорцев все же не остановила Ахмеда-пашу, сумевшего пробиться сквозь черногорские оборонительные заслоны и в начале августа 1712 г. занять Цетинье и разрушить монастырь. Однако схватить Данилу и Милорадовича ему все же не удалось, они вместе с отрядом из 500 черногорцев, пройдя через венецианские владения, укрылись в Герцеговине. Ахмед-паша намеревался подавить последние очаги повстанческого сопротивления в Герцеговине, но в конечном итоге, удовлетворившись выдачей черногорцами заложников, амнистировал повстанцев, в том числе и Данилу. На обратном пути его войска понесли чувствительные потери от черногорцев, до 500 человек, по венецианским данным⁵⁷.

Между тем Милорадович в сопровождении нескольких человек в августе 1712 г. отправился в Россию. Данило поручил Милорадовичу лично изложить Петру I черногорские события и несмотря на международные обязательства, вытекающие из Прутского договора, не оставить Черногорию без внимания⁵⁸. Вместе с Милорадовичем в Россию должен был ехать и черногорский воевода Славуй Джакович (Славуй Николаевич по некоторым русским источникам). Однако он задержался в Черногории до конца сентября. В Россию Джакович отправился только тогда, когда получил «в народе монтенегринском» письма для российского руководства и письменную инструкцию, обязывающую его узнать, точно ли царь Петр I заключил с турками мир, тогда бы и черногорцы «стали добрыми способами с турками примирения искать». В том случае если же мир не заключен, черногорцы изъявляли готовность по повелению царя продолжать воевать с турками и просили лишь снабдить всем необходимым для военных действий⁵⁹. Из всего этого проистекало, что смиренность, которую все же продемонстрировали черногорцы Ахмеду-паше, была мнимой, и туркам вновь не удалось окончательно покорить Черногорию. Вместе с Джаковичем отправился и капитан И. Лукачевич (Иван Подгорица, так его именовал Джакович), однако он не доехал до России и задержался в Берлине «до указа», по крайней мере до конца декабря 1712 г.⁶⁰

Рассчитывая на помощь со стороны России, состоящая из 4 человек (Иван Албанез, Славуй Джакович, Сава Брайович, Сава Михайлович) делегация черногорцев во главе с М. Милорадовичем после долгих проволочек все же добилась встречи с царем. Она состоялась в декабре 1712 г. в Германии, в Шлезвиг-Гольштейне. В это время опасность возобновления новой, уже третьей по счету, русско-турецкой войны нарастала. Султан Ахмед III даже издал в декабре фирман об объявлении войны России, однако военные действия турки не начинали. Учитывая сложившуюся обстановку, Петр I 30 декабря 1712 г. (10 января 1713 г.) указал Сенату о срочном отправлении Милорадовича и «товарищей его» на войну с тур-

ками, «дабы они против сих неприятелей всякие происки и военный промысл чинили со усердным радением»⁶¹. Хотя в указе и не было сказано, куда должен отбыть Милорадович с товарищами-черногорцами, однако, безусловно, это была Черногория, не случайно же Славуй Джакович давал свои показания о готовности черногорцев воевать с турками именно 30 декабря. Таким образом получалось, что черногорцы опять должны были выступить запевалами в военном концерте, который Петр I намеревался устроить туркам на Балканах. Австрийские сербы также были предупреждены о начале войны⁶². Однако султан, хотя шведская и французская дипломатия и пытались втравить его в войну с Россией, все же не рискнул начать реальные боевые действия, а с весны 1713 г. турецкие власти начали переговоры о мире. Поэтому Милорадович с черногорской командой так и не был направлен на Балканы из Москвы, где они пребывали с самого начала 1713 г., переехав затем в Петербург. Дальнейшая карьера Милорадовича сложилась весьма удачно во всех отношениях. Он все же получил задолженность за Черногорию в 500 червонных, в мае 1715 г. был награжден украшенным бриллиантами портретом Петра I и продолжил службу в Малороссии, получив чин Гадячского полковника⁶³.

Русско-турецкие переговоры о мире шли своим чередом, но в российских дипломатических кругах, привыкших к непоследовательной и непостоянной политике Порты, были опасения, что переговоры о мире могут все же к нему не привести. Поэтому Савва Рагузинский, сообщая Г.И. Головкину о выделении денежного жалования Милорадовичу и вышеупомянутым черногорским представителям, одновременно предлагал канцлеру отписать «тамошним народам», чтобы и к будущему году они готовились «обстоятельно против неприятеля воевать, а сию кампанию, лестили бы туркам к приязни, дабы и впредь могли лучше обмануть»⁶⁴. О том, что интерес русской дипломатии к черногорцам и иным православным народам не пропал, свидетельствуют и проекты использования балканских славян в борьбе против Османской империи, поступавшие в Петербург через посредство российского посла в Вене А.А. Матвеева (1712-1715). Так еще в январе 1713 г. посол в своей реляции излагал подробности переданного ему «волошским секретарем» плана антитурецкого восстания. В нем отмечалось, что так как Россия не может надеяться на скорую помощь «христианских принцов», которые могут действовать только в угоду своих собственных интересов, то необходимо найти способы к «поднятию бунтов между народов, турками недовольных». При этом в проекте выделялись именно черногорцы, как «народ склонный к нападению на турок», и ему одна только «надежда о грабеже подает способ к подвигу». Излагая план предстоящей кампании, автор обещал без каких-либо

затруднений собрать многотысячное войско⁶⁵. Другой проект, присланный А.А. Матвеевым и полученный им от уже упоминавшегося русского политического агента в Венеции Каретты 16 (27) ноября 1713 г., выглядел еще более привлекательным. В нем излагался план формирования на Балканах 500-тысячного повстанческого войска из черногорцев, сербов и других православных народов, с помощью которых царь Петр I сумел бы турок «из Европы выгнать». Каретта особенно подчеркивал дешевизну своего проекта, затраты сводил к обеспечению повстанцев оружием и боеприпасами и считал нужным дать повстанцам «генерала или иного какова начальника, который б их управлял и в добрый порядок приводил»⁶⁶. Безусловно, этот проект был нереален, хотя бы в силу демографической ситуации на Балканах и в силу этого абсолютной невозможности собрать полумиллионную армию повстанцев, не говоря уже о внешнеполитических обстоятельствах, поскольку в июле 1713 г. между Россией и Османской империей был заключен Адрианопольский мирный договор сроком на 25 лет, в котором о балканских славянах, впрочем, как и в Прутском, не было никакого упоминания.

К началу XVIII века в государственном организме Османской империи завелась и стала распространяться гниль, и это произошло как раз в то время, когда жизненные силы обновленной Петром I России продолжали все нарастать. Однако процесс разложения и упадка Османской империи был длительным, и на этом пути она временами демонстрировала если не былую сокрушительную мощь, то по крайней мере способность эффективно постоять за себя. Это наглядно продемонстрировал Прутский поход. Прутский договор, лишивший возможности доступа России к Черному морю, был щедрым подарком султану, но и он отвечал лишь оборонительным целям турок. Петр I, хотя уже и проявил себя как защитник православных христиан, но был достаточно осмотрительным монархом, чтобы торопиться и с большей отдачей выступать и далее в подобной роли, поскольку в это время он был нацелен на решение своей ближайшей стратегической задачи – утверждение России в качестве державы на Балтийском море.

Тем временем черногорцы не обманывали турок и не льстили им, как предлагал Савва Рагузинский, а продолжали бесконечную «малую войну» с ними, и это беспокоило и озлобляло Порту, заставляло ее вновь применять радикальные меры против черногорцев. Это не осталось вне поля зрения российской дипломатии. Посол в Константинополе П.П. Шафиров доносил канцлеру о военных приготовлениях турок, направленных «против монтенегринов, которые и по се число непокорливы и никакой дани им не платят...»⁶⁷. Он даже назвал имя будущего командующего военной экспедиции – Нуман-паша.

Второй, после 1712 г., военно-карательный поход против черногорцев продолжался с сентября по начало ноября 1714 г. Поделенное на три корпуса войско, состоящее из турок и албанцев, султан поручил возглавить боснийскому визирю, бывшему недавно великим визирем, Нуман-паше Чуприличу, который огнем и мечом прошел по всей Черногории. Визирь отдал войскам приказ сравнять без пощады с землей Черногорию, отсечь как можно больше голов и чтобы даже «камень на земле, которую покорили, сделался красным от крови черногорской». Эта карательная экспедиция турок стала наиболее опустошительной для страны. Около 2 тысяч черногорцев погибло, только у высочайшей горы Черногории Ловчен было убито порядка 500 человек, в рабство турки увели, по различным оценкам, от 2 до 5 тысяч человек. Были разрушены села, церкви и монастыри. Вновь была захвачена резиденция митрополитов – Цетинский монастырь. Более всего от турок пострадала Катунская нахия, которая всегда была центром сопротивления врагу, символом освободительной борьбы черногорцев⁶⁸. Никогда черногорцы, ни до, ни после, не испытывали подобного поражения. 1714 г. стал черным годом Черногории, а кровавая «Нуман-паша година» надолго запала в народную память.

О том, что произошло в Черногории, в России узнали от бывшего тогда в Петербурге брата митрополита Данилы Дамяна Шчеповича, прибывшего сюда вместе с архидьяконом Максимом по поручению митрополита. При российском дворе с сочувствием и состраданием отнеслись к черногорским бедам. Было принято решение, дающее возможность переселиться в Россию всем желающим черногорцам, с предоставлением годных для поселения земель. Монахам разоренных черногорских обителей было предложено прибежище в российских монастырях. Каких-либо «знаков милости царской» и, в частности, портретов Петра I в драгоценном обрамлении было решено не давать, поскольку «за мирным с турками постановлением» сделать это было невозможно. Однако вероятность этого полностью все же не исключалась, если в условиях начавшейся уже венецианско-турецкой войны турки окажутся в таком положении, когда «опасности от них не будет». Также решено было не направлять в Черногорию грамоты к митрополиту Даниле и народу, поскольку черногорцы «турками разогнаны и укрываются по разным местам»⁶⁹.

Фирман султана Ахмеда III предписывал взять митрополита Данилу живым и доставить в Стамбул для последующей казни. На владыку была устроена настоящая облава. Поэтому еще до начала похода Нуман-паша он был вынужден бежать из Черногории и укрыться в венецианских владениях (Бока Которская). Одновременно около 600 черногорцев, не пожелавших покориться туркам, нашли себе убежище в своих неприступных

горах⁷⁰. В связи с этим Порты настояла на закрытии Венецией границы, что еще более ухудшило и без того крайне тяжелое положение черногорцев.

В ноябре 1713 г. митрополит писал Петру I, прося у него решительного ответа, что делать черногорцам. «Мы с неприятелями до сих пор еще верного мира не имеем, – писал митрополит, – также и венециане озлобляют нас тайным лукавством, сносятся с турками к нашему вреду, не пропускают купцов ни своих к нам, ни наших к себе; торговля остановилась и народ живет в тесноте и скудности. Премилостивейший государь, царь непобедимый! Призри на озлобление наше, наставь нас, что нам делать! И как от врагов наших спасение получить?»⁷¹. С этого времени черногорский митрополит окончательно становится приверженцем России. В том же 1713 г. в письме к своему брату Раде Данило подчеркивал: «Я – Москвы, Москвы, Москвы. Говорю, говорю, говорю: чей я – того и вся земля»⁷². Отныне Россия для черногорцев стала символом веры и надежды в их освободительной борьбе, деле государственных преобразований, а культ Петра Великого навсегда утвердился в сознании черногорцев и их церковных иерархов.

Митрополит Данило из Боки Которской в конце 1714 г. отправился в Вену, где в ожидании разрешения на поездку в Россию он провел несколько месяцев, а затем отбыл в Петербург, куда прибыл в апреле 1715 г. Черногорский владыка получил аудиенцию у Петра I и подал прошение царю, состоящее из шести пунктов: 1) Установление над Черногорией покровительства России, которая должна учитывать ее интересы при заключении будущих договоров с Османской империей. Об этом, если невозможно известить открыто, то следует сообщить тайно. 2) Обращение к черногорскому народу с новой грамотой от имени царя, с выражением «благосклонности и благодарности» за героизм черногорцев, проявленный в антитурецкой борьбе «во славу русского царского трона и ради христианской веры». Черногорский же народ по призыву царя готов и впредь проливать свою кровь. 3) Возмещение ущерба, нанесенного населению Черногории, Герцеговины и Брды в ходе боевых действий против турок. Предлагается в знак признательности наградить повстанцев 60 малыми и большими медалями. 4) Поскольку турки разорили Цетинский монастырь, уничтожили его ризницу и церковные вещи, сожгли богослужебные книги, то требуется все это обновить. 5) Возвращение на родину из Петербурга тех черногорских «офицеров», которые пожелают вернуться, желающим же остаться в России обеспечить условия для жизни и службы. 6) Поскольку полковник Милорадович, Иван Албанез и владыка Данило покупали во время боевых действий с турками различные боеприпасы, и в первую очередь порох и свинец, то следует возместить убытки. При этом не

следует забывать и о возврате церковных денег, занятых Павлом Аркулеем сверх 1100 золотых гульденов⁷³. В ответ на просьбы черногорского владыки в июле 1715 г. царь издал жалованную грамоту, в которой Петр I благодарил своих югославянских союзников за помощь в войне с Османской империей. Российский монарх замечал, что потребовавшая больших затрат «нынешняя долгопротяжная с еретиком королем шведским война» не дает ему возможности по достоинству наградить всех. Все же черногорцы награждались 160 золотыми медалями с портретом Петра I, 5 тысячами рублей «на вспоможение разоренным людям». Кроме того, митрополит Данило получил 5 тысяч рублей на восстановление монастырей и оплату военных долгов⁷⁴. Поскольку Россия в то время находилась в мирных отношениях с Османской империей, Петр I призывал всех югославян, в том числе и черногорцев, соблюдать мирные отношения с турками, но быть готовыми по первому зову России вновь вступить в анти-турецкую борьбу. Зная, что Черногория разорена турками и как при этом пострадал Цетинский монастырь, Петр I специальной грамотой установил постоянную субсидию Цетинскому монастырю (500 рублей через два года на третий). Из России Данило увозил не только официальные награды и подношения, но и приобретенные им лично в Москве, где он остановился по пути на родину, книги. Это были антираскольническая «Скрижаль» (1655 г.), «О священстве» Иоанна Златоуста (1664 г.), а также такое раритетное издание, как оформленная гравюрами на меди по рисункам Симона Ушакова «История о Варлааме и Иосафе» Симеона Полоцкого (1680 г.), вымышленный герой которой, индийский принц Иосаф, и его духовный наставник старец Варлаам вошли в православный календарь⁷⁵. Любопытно заметить, что пустынный Варлаам на одной из гравюр изображен в более традиционном иконном стиле, а Иосафу преданы черты царя Федора Алексеевича. Таким образом, рождалась ассоциация с наставлениями Симеона Полоцкого юному царю, учителем которого он был.

Закончив дела, Данило отбыл в Киев. Владыке были устроены самые торжественные проводы, которых после не удостоивался ни один черногорский священнослужитель, включая митрополитов. Вместе со свитой ему было выделено 14 упряжек с 42 лошадьми. В пути Данилу сопровождали свои черногорцы и сербы, воевода Славой Джакович, капитан И. Албанез, его брат Дамьян Шчепович и др. Их также сопровождал русский проводник Петр Степанов, знавший местность и заботившийся о них в дороге⁷⁶. Канцлер Г.И. Головкин предписал малороссийскому гетману И.И. Скоропадскому, чтобы в проезде митрополита Данилы через «малороссийские города извольте его принять приятно и прикажите давать ему по подорожным подводы и в протчем показать при-

язнь и в требовании его вспоможение»⁷⁷. И все это было выполнено гетманом. По пути митрополита и его свиту с вниманием и почтением принимало население и местные органы власти городов и сел. По приезде в Киев владыка направил письмо Г.И. Головкину с выражением благодарности и признательности за прием и проявленную заботу⁷⁸.

Возвращаясь на родину через Вену, митрополит Данило встретился с принцем Евгением Савойским. Во время их беседы обсуждался план привлечения Черногории к антитурецкой борьбе в условиях уже начавшейся войны Австрии и Венеции против Османской империи, о чем речь пойдет ниже. Эта встреча митрополита со знаменитым австрийским полководцем положила начало установлению связей Черногории и Австрии. В апреле 1716 г. Данило вернулся в Черногорию и застал ее совершенно опустошенной. «Все разорено, расхищено и мечу предано, и в плен отведено, а некий малый остаток в горах спасалось и сохранилось», – вспоминал в дальнейшем в письме к Г.И. Головкину владыка⁷⁹. Митрополит Данило принялся приводить в порядок то, что еще осталось. На средства, полученные в России, он выкупил пленных, возвратил долги, наделил деньгами особо нуждающихся черногорцев. Был восстановлен Цетинский монастырь и кафедральный собор Рождества пресвятой Богородицы. Однако недостаток средств не позволил Даниле продолжить восстановительные работы, остальные церкви оставались в заброшенном состоянии, в полном запустении⁸⁰.

Со времени поездки Данилы в Россию и черногорцы, и их владыки стали считать, что Черногория находится под покровительством единой и единокровной России. Встречавшийся с Данилой вскоре после его возвращения из России которский провидур (градоначальник) Себастиан Вендрамини, характеризуя владыку, замечал: «В сущности нет у него ни в сердце, ни на языке ничего другого, кроме русского царя. Зовут он его своим богом на земле...»⁸¹. Прорусская ориентация Черногории не препятствовала сохранению довольно тесных отношений с Венецией. К этому обязывало близкое соседство, а также зависимость Черногории от рынков венецианского Приморья. Кроме того, когда Венеция вступала в войну с Турцией, этим извечным врагом Черногории, черногорцы забывали на время прежние обиды и проявляли готовность воевать против общего неприятеля.

Такая возможность вновь представилась в конце 1714 г., уже после карательного похода Нумана-паши на Черногорию. Предлогом к войне послужило то, что венецианские власти отказались выдать укрывшегося в Приморье, в Боке Которской, митрополита Данилу и около 2 тысяч черногорцев, из которых 500 человек были способны и готовы воевать⁸². Нуман-паша доложил Порте, что тем самым Венеция нарушила условия

Карловицкого мирного договора 1699 г., заключенного между Османской империей, с одной стороны, и «Священной лигой» – Австрией, Россией, Венецией и Речью Посполитой – с другой. Венецианский посол в Константинополе Андреа Меммо был вызван к воинственному великому визирию Дамаду Али-паше, который сообщил ему, что вследствие последних событий, связанных с Черногорией и перехватом венецианцами турецкого корабля в Адриатическом море, султан объявляет войну Венеции⁸³, после чего венецианский посол традиционно был посажен в Семибашенный замок. Однако все это было лишь поводом к венецианско-турецкой войне 1714-1718 гг. В действительности Порта хотела отвоевать Морею (Пелопоннес), материковую часть Греции, которую турки вынуждены были уступить Венеции по Карловицкому договору. Венецианцы обратились за помощью к европейским государствам, но получили уклончивые ответы, не считая одной или двух галер, предложенных римским папой Климентом XI и мальтийскими рыцарями. Тогда венецианцы обратились к черногорцам, но те, за исключением грблян, хорошо проученные Нуманом-пашой, предпочли пока остаться в стороне. К тому же тогда они ждали возвращения из России своего владыки митрополита Данилы.

В Далмации вследствие военных действий, начавшихся между венецианцами и турками, сложилась катастрофическая ситуация с мирным населением. Повальный голод тысячами косил людей, по дорогам бродили толпы женщин, стариков и детей, просящих милостыни и хлеба, люди ели траву и кору с деревьев⁸⁴. Ситуация начнет меняться для Венеции в лучшую сторону лишь в 1716 г., когда Венеция заключила союзный договор с Австрией, и блестящий австрийский полководец принц Евгений Савойский начал одну за другой одерживать победы над турками. Эта радужная перемена в военных обстоятельствах не осталась без внимания и в Черногории. Митрополит Данило направил к Евгению Савойскому своего посланника, в прошлом капитана русской службы Николу Раича с просьбой, чтобы Австрия помогла черногорцам против турок, а в ответ они изъявили готовность воевать на ее стороне. Это предложение принц Савойский передал Военному совету, который не откликнулся на эту просьбу владыки, оставив ее без внимания⁸⁵. Надо сказать, что турки в это время опять стали совершать набеги на территорию Черногории. Так, в апреле 1717 г. герцеговинский паша Ченгич с большим отрядом неудачно для себя атаковал племя Цуце в Катунской нахии, особо ненавидимой турками. В результате погибло и было взято в плен много турок из самых влиятельных семей Герцеговины⁸⁶.

Россия была далеко и к тому же замирилась с турками, Австрия фактически проигнорировала предложение Данилы об антитурецком союзе. Логика действий подталкивала на союз с Венецией,

но Данило, крайне неприязненно относившийся к Венеции, этому противился. Венецианцы, видя в Даниле главное препятствие для вовлечения черногорцев в борьбу с турками и являясь непревзойденными мастерами по приготовлению ядов, постановлением суда инквизиции от середины сентября 1716 г. решили отравить владыку⁸⁷, но, к счастью, сделать этого им не удалось. Черногория оказалась поделенной на два лагеря. Один, во главе с Данилой, был против союза с Венецией, однако победа осталась за сторонниками венецианцев. Старейшины Катунской нахии в феврале 1717 г. направили в Венецию представительную делегацию во главе с Вукадином Вукотичем. Черногорские представители согласились выставить 5-тысячное войско против турок, но взамен потребовали от Венеции политической защиты, а также, помимо прочего, сохранения внутреннего самоуправления с созданием нового светского института власти в виде губернаторства и восстановления права духовной юрисдикции Цетинской митрополии над православным населением и церковным клиром Боки Которской⁸⁸. Пожелания черногорцев сенат республики Св. Марка удовлетворил. Однако тем самым Черногория, хотя и в мягкой форме, признавала протекторат Венеции.

В целом непосредственное боевое сотрудничество между черногорцами и венецианцами не принесло реального успеха. Боевые действия в Далмации по захвату Бара и Улцина были безрезультатными, хотя в нападении на Бар в октябре 1717 г., в котором участвовали 1200 черногорцев во главе с Данилой, сам владыка продемонстрировал незаурядную храбрость⁸⁹. В 1717 г. Венеция установила в Черногории светскую должность губернатора (гувернадур), что, впрочем, как было сказано выше, являлось идеей самих черногорцев. Функции губернатора вначале ограничивались внешней политикой, но в дальнейшем губернаторы стали небезуспешно претендовать на светскую власть, и их роль в народных собраниях иногда была определяющей. Первоначально эта должность закрепилась за семейством Вукотичей. Первым губернатором стал Вукадин Вукотич из Катунской нахии, а затем эта должность перешла к Радоницам, которые вступают в политическое соперничество с митрополитами. Губернатору и ряду племенных старейшин власти Венеции установили денежную плату, что делало их проводниками венецианской политики. Впрочем, губернаторы не всегда придерживались сугубо провенецианской ориентации в политике. В дальнейшем, при удобном случае, они проявляли готовность сотрудничать и с Россией, не порывая при этом тесных связей с Венецией, а затем и Австрией. Однако в целом институт губернаторства не сыграл положительной роли в истории Черногории.

Тем временем война шла на убыль, и в июле 1718 г. в сербском городе Пожаревац (Пассаровиц) был подписан мирный договор. Посредником,

как и в Сремски-Карловци, были британский и голландский послы при дворе султана, которые вновь выступили инициаторами принципа *uti possidetis* – «сохраняем то, что имеем». Наибольшую выгоду от этого мира получила Австрия. К ней, помимо прочего, отошла большая часть Сербии, включая Белград. Союзник австрийцев Венеция оказалась в результате этого мира в крайне невыгодном положении. Турки оставляли за собой Морею (Пелопоннес), из-за которой, собственно, шла основная борьба между Венецией и Османской империей. Венеция в качестве слабого утешения сохраняла свои завоевания в Далмации, получив при этом от Османской империи официально принадлежавшее ей черногорское Приморье с областями Грбаль, Маине, Побори, Браичи, отняв тем самым у Черногории выход через Грбаль к Адриатическому морю.

Напоследок венецианцы решились на отчаянную и рискованную военную операцию. Через два дня после заключения Пожаревацкого мира венецианцы, к которым затем на суше примкнули и черногорцы во главе с Данилой, высадившись с кораблей, осадили Улцин. Осада продолжалась три недели и закончилась тем, что венецианцы ее все же сняли и на кораблях возвратились обратно⁹⁰. Вполне возможно, что эта авантюра, которая могла закончиться новой войной Венеции и Османской империи, была спровоцирована теми политическими силами республики Св. Марка, которые не желали смириться с условиями Пожаревацкого мирного договора, но сделать это все же пришлось. Как позднее замечал другой черногорский митрополит Василий Петрович (1750-1766), черногорцы узнали о мире не от венецианцев, а от венского двора⁹¹, и это неудивительно, поскольку венецианцам было что скрывать от своих союзников-черногорцев.

С этого времени Венеция постепенно становится угасающим государством, ее бывшее военное и политическое влияние в средиземноморском регионе, включая Адриатику, стремительно падает. Новые хозяева черногорского Приморья ничем не компенсировали Черногории важнейшие для его экономики и народонаселения территориальные потери. Кроме того, венецианцы в конечном итоге оказались далеко не лучшими соседями. Венецианские власти поощряли междоусобицы и сепаратизм в Черногории, тайно провоцировали пограничные конфликты своих подданных и черногорцев, оставаясь при этом в тени. Венеции не была нужна сплоченная и сильная Черногория, в этом случае она могла стать ее серьезным соперником, способным повести за собой и значительную часть славянского населения венецианских владений. Нестабильная, раздираемая внутренней враждой Черногория была более приемлема для венецианцев. Кроме того, за помощь, которую Черногория оказала Венеции, Порта лишь еще более на нее ожесточилась, что

сулило черногорцам новые конфликты с Османской империей. Митрополит Данило никогда не испытывал каких-либо особых симпатий к Венеции, но под влиянием обстоятельств вынужден был сотрудничать с сеньорией. При Даниле отношения между Черногорией и Венецией не были искренними с обеих сторон, здесь каждая сторона преследовала свои цели. Черногория рассчитывала при помощи Венеции добиться успехов в освободительной борьбе. В свою очередь Венеции черногорцы были нужны только как активная и хорошо подготовленная военная сила, которая успешно использовалась республикой в войнах с Турцией. В конечном итоге в выигрыше оказалась Венеция, по своему «отблагодарившая» черногорцев, присоединив к себе ее приморские общины. Пожаревацкий мир положил конец тесному сотрудничеству Черногории с Венецией. С этого времени большинство черногорцев рассматривало республику Св. Марка как ненадежного партнера, с которым вынужденно, под давлением обстоятельств, приходится взаимодействовать. И Данило вновь обращается за помощью к России. В 1721 г. он направляет в Петербург архимандрита Леонтия с просьбой оказать помощь Черногории. В задачи Леонтия входило получение очередной денежной субсидии для Цетинского монастыря, пожалованной Петром I в 1715 г., и недополученной компенсации по возмещению церковных расходов на боеприпасы и вооружение, сделанных М. Милорадовичем. Кроме того, Леонтий добивался получения крупной денежной суммы в 1100 червонных, занятой Павлом Арколео⁹². Эти требования митрополита, хотя и не полностью, были удовлетворены, включая задолженность Арколео, за которую русское правительство чувствовало моральную ответственность⁹³.

Приверженный к России митрополит Данило тяжело переживал смерть Петра I, которого он считал своим покровителем. Об этом свидетельствует его письмо канцлеру Г.И. Головкину в октябре 1725 г., где говорится: «Мы, нижеподписавшиеся с великим плачем, с непрестанными слезами пишем и тяжело и горько плачем, что не успели еще поцеловать живую царскую святую десницу»⁹⁴.

Венецианцы понимали, что Черногория уходит из сферы их влияния. В июле 1729 г. генеральный провидур Далмации и венецианской Албании, анализируя личность и политику Данилы, предупреждал дожа, что митрополит Данило, «поощряемый русским золотом, внушил черногорцам преданность царю в ущерб Венеции...», он сеет между нашими «новыми подданными семена отвращения и ядовитые инсинуации, дабы отвратить их от преданности и верноподданничества Венеции»⁹⁵. Генеральный провидур в конечном итоге оказался прав. В дальнейшем эти приморские общины, за исключением Грбале, занимавшего более нейтральную позицию,

ориентировались на Черногорию, желали вновь воссоединиться с ней.

В последние годы своего правления владыка Данило был тяжело болен, он едва мог передвигаться и почти отошел от государственных дел. В 1735 г. митрополит Данило Петрович Негош скончался, сделав своим преемником племянника Саву. Митрополит Данило был первым политическим и религиозным деятелем, привнесшим в черногорское общество идею борьбы за обретение политической и государственной независимости, не сводя ее при этом к упрощенной форме избавления только от налогового бремени, наложенного Османской империей. Встав на путь борьбы за суверенитет Черногории и понимая, что в существующих международных условиях одна Черногория его практически не может добиться, Данило стремился в этом процессе заручиться поддержкой России. Поэтому он добивался установления над Черногорией покровительства России. Предначертанный им путь политического развития Черногории продолжался весь XVIII век и далее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. различные данные о численности населения Черногории: *Дашин М. Незаобилазно у историографији Црне Горе*. Подгорице, 2003. С.566-567; *Распоновић Р.М. Дипломатија Црне Горе 1711-1918*. Подгорица-Београд, 1996. С.23.

² За отсутствием в Черногории собственных денег в XVI-XVIII вв. в качестве платежного средства использовались деньги соседних государств. Под общим названием *золотой дукат* в хождении были венецианские цехины, австрийские или итальянские талеры, турецкие серебряные акчи, а с XVII в. в обиходе были испанские реалы. Налог выплачивался один раз в год, и в 1692 г. он составил 8 тыс. реалов (*Бычков Ю.Е. Черногория: от прошлого к настоящему. Страницы истории Черногории и русско-черногорских отношений*. М., 2008. С.64-65). В XIX в. в оборот вошел гульден – голландский серебряный талер. Недостаток в Черногории пахотных земель заставил султана в 1513 г. отменить налоги, предназначенные для землевладельцев, и объявить черногорцев свободными скотоводами (*филуриджи*). В Османской империи филурию платили в расчете на дом и недвижимое имущество и она составляла 1 золотой дукат (филур). Это распространилось и на Черногорию. Таким образом, харач (подать, которой облагался каждый мужчина-немусульманин) в действительности являлся филурией, но в Черногории для этого налога использовался термин «харач», вошедший и в историческую литературу. Помимо этого налога черногорцы должны были отработать 15 дней на соляных копях в Грбале, в приморской общине, отошедшей позднее к Венеции. Ввиду малочисленности населения Черногория не приносила Османской империи сколь-нибудь значимых денежных средств. Например, на ежегодный доход, который она получала от Черногории в XVI в., можно было оплатить содержание не более 150 янычаров (*Андрияшевич Ж.М. Черногория с древнейших времен до Балканских войн*

- // История Черногории с древнейших времен до 2006 года. Подгорица, 2009. С.54-55). Разумеется, сумма налогообложения в XVIII в. должна была вырасти, но поскольку черногорцы чаще всего отказывались от уплаты налога, то султанской казне от них было мало проку. Однако отказ черногорцев от выплаты харача подрывал престиж султана и Порты не только в самой Черногории, но и среди других балканских народов Османской империи. И это заставляло власти империи любимым способом с помощью военной силы фактически подчинить себе Черногорию.
- ³ Калинник, хотя и придерживался протурецкой ориентации, при спорах с югославянами-католиками обращался к российскому послу в Константинополе П.А. Толстому, называя его «наш честнейший и славной посол благочестивейшего тишайшего самодержавного государя» (Артамонов В.А. Сербия и Турецко-русская война 1710-1713 гг. (к 300-летию русско-сербского боевого содружества) // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2011. Том 13. №3 (2). С.334). В 1708 г. черногорцы все же признали Калиника патриархом, урегулировав тем самым отношения между Цетинской митрополией и Печским патриархатом.
- ⁴ Станоевић Г. Црна Гора у доба владике Данила. Цетиње, 1955. С.45-46.
- ⁵ Станоевић Г., Васић М. Историја Црне Горе. Књ.3. Од почетка XVI до краја XVIII вијека. Т.1. Титоград, 1975. С.241.
- ⁶ Там же. Скорее всего, это все же легенда. Г. Станоевич сам же замечает, что аналогичные сюжеты, связанные с пленными турками, присутствуют в черногорском героическом эпосе, однако письменные источники XVIII в. не содержат подобных сведений об обмене пленными турок на свиней (Станоевић Г., Васић М. Историја Црне Горе... С.272-273).
- ⁷ Там же. С.242.
- ⁸ Петрович Р.В. Степан Малый – загадка истории (русский лжецарь в Черногории). Пер. с серб. С. Якшича и А. Зырина. Белград, 1996. С.30.
- ⁹ Станоевић Г., Васић М. Историја Црне Горе... С.246.
- ¹⁰ Поповић Ђ. Историја Црне Горе // Повестница црногорска. Одобране историје Црне Горе до краја XIX вијека. Подгорица, 1997. С.461-462.
- ¹¹ Медаковић М. Владика Данило. Цетиње, 1997. С.51-52; Јовановић Ј. Историја Црне Горе. Подгорица, 2001. С.76 и др.
- ¹² Петровић Р.В. Владика Данило и владика Сава (1697-1781). Београд, 1997. С.50.
- ¹³ Милаковић Д. Историја Црне Горе // Повестница црногорска... С.325.
- ¹⁴ Запись владыки Данилы об истреблении потурченцев. 1707 г. // Миловић Ј.М. Сборник докумената из Историје Црне Горе. (1685-1782). Цетиње, 1956. С.17-18.
- ¹⁵ Шћепановић Ж. Кратка историја Црне Горе. Од најстаријих времена до 1796. Године. Подгорице, 2002. С.136. В черногорской историографии существуют различные точки зрения на хронологию происходивших событий, связанных с истреблением потурченцев. Впрочем, все авторы, исключая И. Рувараца, относившего это событие к 1687 г., так или иначе связывают его с первыми годами правления Данилы (см. об этом: Станоевић Г. Црна Гора у доба... С.31-44).
- ¹⁶ Станоевић Г., Васић М. Историја Црне Горе... С.246-247.
- ¹⁷ Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. География. История. Этнография. Археология. Современное положение. СПб., 1888. Т.1. С.634.
- ¹⁸ Драгићевић Р. Митрополит Петар I и мирене крвне освете // Записи. 1935. Књ. XIV. Св.7. С.260.
- ¹⁹ Цит. по: митрополит Амфилохије (Радовић). Учесће светородне лозе Петровића у животу цркве и народа богословље епохе Петровића // Династија Петровић Негош. Т.1. Радови на међународног научног скупа. Подгорица, 29. октобр – 1. новембар 2001. Подгорица, 2002. С.203.
- ²⁰ Павићевић Б. Стварање црногорске државе. Београд, 1955. С.42.
- ²¹ Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С.104-105.
- ²² Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984. С.29-30.
- ²³ Там же. С.31-32.
- ²⁴ Богоявленский С.К. Из русско-сербских отношений при Петре Первом // Вопросы истории. 1946. №8-9. С.33.
- ²⁵ Станоевић Г., Васић М. Историја Црне Горе... С.252; Распоповић Р. Первые официальные визиты черногорцев к российскому двору: миссия владыки Данилы в 1715 г. // Черногорцы в России. М., 2011. С.11.
- ²⁶ Цит. по: Бажова А.П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С.60.
- ²⁷ Артамонов В.А. Черногория и турецко-русская война 1710-1713 гг. (К 300-летию боевого содружества русских, сербов и черногорцев) // Русија и Балкан током последња три столећа. Подгорица - Москва, 2012. С.44.
- ²⁸ Там же. С.46. В мае 1712 г. к русскому политическому агенту в Венеции М. Каретте обратился прибывший из Черногории монах за получением взятых взаймы полковником Милорадовичем и капитаном Черновеичем (Лукачевичем. – Ю.А.) 2300 червонных. М. Каретта отклонил его просьбу, поскольку не имел на этот счет никаких распоряжений из Петербурга, снабдив все же монаха небольшой денежной суммой (Выписка о полковнике Михайле Милорадовиче // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф.86. Оп.1. 1712 г. Д.2. Л.10).
- ²⁹ Выписка о полковнике Михайле Милорадовиче // РГАДА. Ф.86. Оп.1. 1712 г. Д.2. Л.4-7.
- ³⁰ Богоявленский С.К. Из русско-сербских отношений... С.33; Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения ... С.105; Политические и культурные... С.40-41.
- ³¹ Богоявленский С.К. Из русско-сербских отношений... С.33; Павичевић Б. Владика Данило у Петрограду. 1715. Године // Сборник радова Михаилу Лалићу у почаст. Титоград, 1984. С.16; Артамонов В.А. Черногория и турецко-русская война 1710-1713 гг... С.45. Французский посланник в Венеции называл цифру в 15 тысяч черногорцев (Станоевић Г. Црна Гора у доба... С.65).
- ³² Милаковић Д. Историја Црне Горе // Повестница црногорска... С.328; Кочубинский А.А. Мы и Они (1711-1878). Очерки истории и политики славян. Одесса, 1878. С.163-164.
- ³³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Сочинения. Кн. VIII. Т.16. М., 1993. С.363.
- ³⁴ Политические и культурные... С.40.
- ³⁵ Достян И.С. Борьба сербского народа против турецкого ига. XV- начало XIX в. М., 1958. С.98.
- ³⁶ Лециловская И.И. Дубровник и Россия // Славянские

- народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003. С.259.
- ³⁷ Станоевић Г., Васић М. Историја Црне Горе... С.254.
- ³⁸ Цит. по: Артамонов В.А. Сербь и Турецко-русская война 1710-1713 гг. ... С.334.
- ³⁹ Станоевић Г., Васић М. Историја Црне Горе... С.274-275.
- ⁴⁰ Там же. С.254.
- ⁴¹ Богоявленский С.К. Из русско-сербских отношений... С.28, 33.
- ⁴² Политические и культурные... С.45.
- ⁴³ Петровић Р.В. Владика Данило... С.54.
- ⁴⁴ Станоевић Г. Црна Гора у доба ... С.64.
- ⁴⁵ Петровић Р.В. Православна Далмација и Русија. Београд, 2001. С.8.
- ⁴⁶ Милутиновић С.С. Историја Церне Горе от искона до новијега времена // Повестница црногорска... С.112; Кочубинский А.А. Мы и Они (1711-1878)... С.165; Макушев В. Задунайские и адриатические славяне. Очерки статистические, этнографические и исторические. СПб., 1867. С.166.
- ⁴⁷ Павићевић Б. Владика Данило у Петрограду... С.16-17.
- ⁴⁸ Станоевић Г. Црна Гора у доба ... С.79.
- ⁴⁹ См. об этом: Богоявленский С.К. Из русско-сербских отношений... С.35-36; Водарский Я.Е. Загадки Прутского похода Петра I. М., 2004. С.52-53.
- ⁵⁰ Выписка о полковнике Михайле Милорадовиче // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф.86. Оп.1. 1712 г. Д.2. Л.8.
- ⁵¹ Станоевић Г. Црна Гора у доба ... С.76.
- ⁵² Выписка о полковнике Михайле Милорадовиче // РГАДА. Ф.86. Оп.1. 1712 г. Д.2. Л.1.
- ⁵³ Цит. по: Павленко Н.И. Савва Лукич Владиславич-Рагузинский // Сибирские огни. 1978. №3. С.160.
- ⁵⁴ Выписка о полковнике Михайле Милорадовиче // РГАДА. Ф.86. Оп.1. 1712 г. Д.2. Л.7об.
- ⁵⁵ Милутиновић С.С. Историја Церне Горе от искона до новијега времена // Повестница црногорска... С.113-115. Таким образом, предположение С.К. Богоявленского о том, что инициатором составления договорной грамоты был Арколео и что именно он от лица царя уполномочил Милорадовича ее заключить и подписать (Богоявленский С.К. Из русско-сербских отношений... С.36), неверно, поскольку, как уже упоминалось, Арколео прибыл в Черногорию лишь в июне 1712 г.
- ⁵⁶ Артамонов В.А. Черногория и турецко-русская война 1710-1713 гг. ... С.49.
- ⁵⁷ Станоевић Г. Црна Гора у доба ... С.97-98. Надо сказать, что укравшиеся в 1712 г. в Герцеговине черногорцы повели себя далеко не лучшим образом. На следующий год они, занимаясь четованием, начали грабить и христиан, за что сербский патриарх Моисей Чурила обещал предать их проклятию, если они не прекратят этого (Шћепановић Ж. Кратка историја Црне Горе... С.137).
- ⁵⁸ Распоповић Р.М. Дипломатија Црне Горе... С.31.
- ⁵⁹ Выписка о полковнике Михайле Милорадовиче // РГАДА. Ф.86. Оп.1. 1712 г. Д.2. Л.1-2.
- ⁶⁰ Там же. Л.2-2об.
- ⁶¹ Цит. по: Артамонов В.А. Черногория и турецко-русская война 1710-1713 гг. ... С.50.
- ⁶² Богоявленский С.К. Из русско-сербских отношений... С.37.
- ⁶³ Б. Павичевич считал, что Милорадович, подписав в апреле 1712 г. договорную грамоту с черногорцами без каких-либо санкций со стороны российского руководства, тем самым навлек на себя немилость (Павићевић Б. Владика Данило у Петрограду... С.22). Вероятно, он все же заблуждался. Вряд ли в официальном Петербурге вообще что-либо знали об этом «договоре». Если бы все же и узнали о нем, то можно предполагать, что Милорадовича бы только похвалили за проявленную им в условиях войны с турками находчивость, предпринятую с единственной целью поддержать и простимулировать верных союзников России черногорцев. Тем более что каких-либо претензий со стороны Порты по поводу этого «договора» в дальнейшем не последовало и грамота Милорадовича так и осталась документом сугубо внутренним, предназначённым лишь для подъема боевого духа черногорцев. Сам митрополит Данило, понимая это, впоследствии при взаимоотношениях с российским руководством о нем также никогда не вспоминал. П.А. Ровинский, первый в российской историографии упоминавший в своих работах об этом «формальном договоре», нигде не упоминал, что в Петербурге о нем знали и это было расценено как превышение Милорадовичем своих полномочий.
- ⁶⁴ Выписка о полковнике Михайле Милорадовиче // РГАДА. Ф.86. Оп.1. 1712 г. Д.2. Л.3-3об.
- ⁶⁵ Костяшов Ю.В. Сербь в австрийской монархии. Калининград, 1997. С.39.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Цит. по: Богоявленский С.К. Из русско-сербских отношений... С.37.
- ⁶⁸ См. об этом: Станоевић Г. Црна Гора у доба ... С.104-105; Андрияшевич Ж.М. Черногория с древнейших времен до Балканских войн... С.75.
- ⁶⁹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен... С.397.
- ⁷⁰ Станоевић Г., Васић М. Историја Црне Горе... С.264.
- ⁷¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен... С.397.
- ⁷² Миловић Ј.М. Сборник докумената... С.29.
- ⁷³ Павићевић Б. Владика Данило у Петрограду... С.33-34; Хитрова Н.И. Церковь и культура Черногории в отношениях с Россией // Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003. С.178.
- ⁷⁴ Политические и культурные... С.51-52.
- ⁷⁵ Шубарич А.П. Русско-сербско-черногорские книжные связи в первой половине XVIII века // Филевские чтения. М., 1994. Вып. VI. С.110.
- ⁷⁶ Павићевић Б. Владика Данило у Петрограду... С.35; Хитрова Н.И. Церковь и культура Черногории... С.178-179.
- ⁷⁷ Цит. по: Кочубинский А.А. Мы и Они... С.174.
- ⁷⁸ Павићевић Б. Владика Данило у Петрограду... С.35.
- ⁷⁹ Политические и культурные... С.58.
- ⁸⁰ Хитрова Н.И. Церковь и культура Черногории... С.179; Политические и культурные... С.59.
- ⁸¹ Цит. по: Станоевић Г., Васић М. Историја Црне Горе... С.269; Петровић Р.В. Владика Данило... С.60.
- ⁸² Станоевић Г., Васић М. Историја Црне Горе... С.267.
- ⁸³ Норвич Д. История Венецианской республики. М., 2009. С.769.
- ⁸⁴ Станоевић Г. Југословенске земље у млетачко турским ратовима XVI-XVIII вијека. Београд, 1970. С.446.
- ⁸⁵ Там же. С.449; Андрияшевич Ж.М. Черногория с древнейших времен до Балканских войн... С.76.
- ⁸⁶ Шћепановић Ж. Кратка историја Црне Горе... С.138.
- ⁸⁷ Станоевић Г., Васић М. Историја Црне Горе... С.270.

⁸⁸ Станоевић Г. Црна Гора у доба ... С.126-127.

⁸⁹ Станоевић Г. Југословенске земље у млетачко турским ратовима... С.451.

⁹⁰ Там же. 456-457.

⁹¹ Политические и культурные... С.281.

⁹² Там же. С.58-59.

⁹³ Там же. С.64.

⁹⁴ Там же. С.58.

⁹⁵ Цит. по: Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом... СПб., 1888. Т.I. С.539-540.

DANILO PETROVICH NJEGOS, THE METROPOLITAN OF MONTENEGRO (1697-1735)

© 2015 Yu.P. Anshakov

The Volga Region Branch of the Institute of Russian History of the RAS, Samara

The article is devoted to the political and religious activities by the Metropolitan of Montenegro, Danilo Petrovich Njegos. The author pays special attention to the issues connected with the struggle of the Montenegrins against the Ottoman Empire. He also focuses on the problems of Montenegro-Venetian and Russian-Montenegro relations.

Keywords: Montenegro, Tsetinsky metropolitanate, metropolitan Danilo, Russia, Peter I, Mikhail Miloradovich, Numan-pasha, Venice, Austria, Ottoman Empire, Herzegovina, Northern Albania